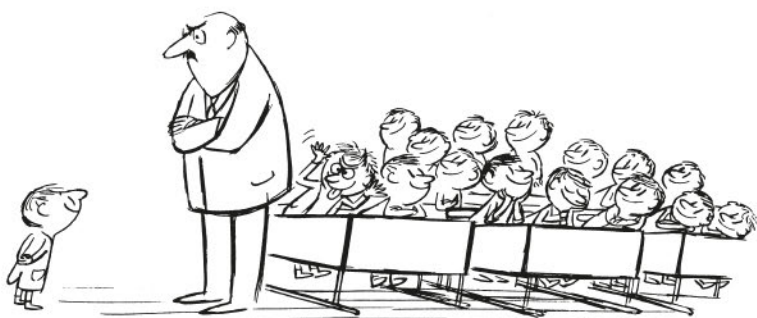
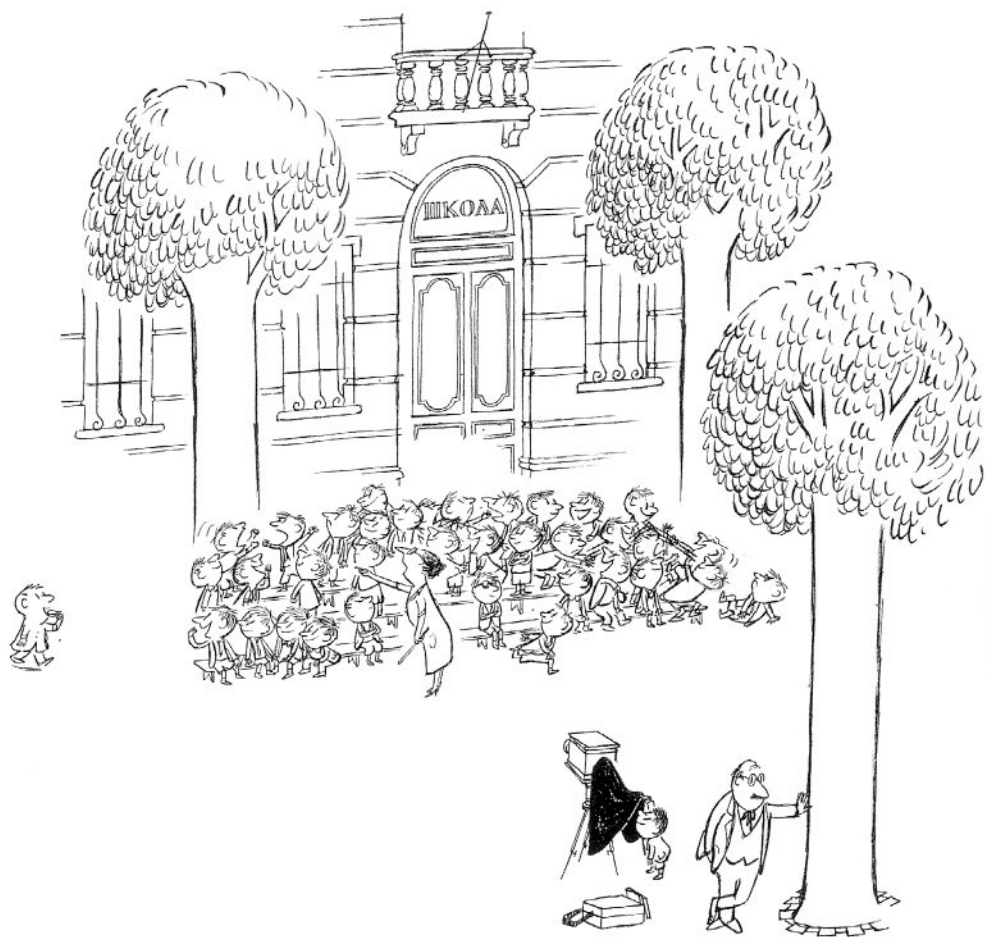
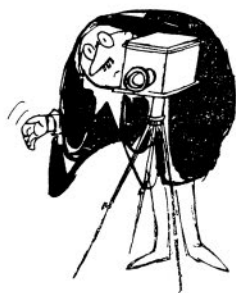

Малыш Николая

*Анри Амурú,
крёстному нашего Николая*

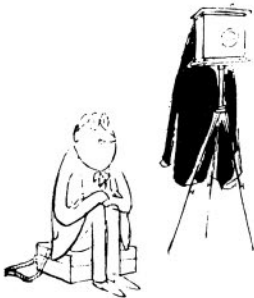

*Воспоминание,
которое мы будем лелеять*

Сегодня утром, когда мы пришли в школу, мы все были ужасно рады, потому что нас будут фотографировать всем классом, и это станет воспоминанием, которое мы будем лелеять всю жизнь, так нам объяснила наша учительница. А ещё она велела, чтобы мы умылись и причесались.

В общем, когда я входил в школьный двор, то весь блестел от бриллиантина. Все ребята уже были здесь, и учительница как раз ругала Жоффруа, который нарядился в костюм марсианина. У Жоффруа очень богатый папа, и он ему покупает все игрушки, которые ему только понравятся. Жоффруа говорил учительнице, что хочет фотографироваться только в марсианском костюме, а иначе он вообще уйдёт.

Фотограф тоже уже был здесь, и учительница ему сказала, что надо всё сделать побыстрее, а то у нас пропадёт урок арифметики. Аньян, лучший ученик нашего класса и любимчик учительницы, сказал, что было бы ужасно жаль остаться без арифметики, потому что он её очень любит и сделал все задачи. Эд — он у нас самый сильный — хотел врезать ему по носу, но Аньян носит очки, поэтому мы не можем драться с ним тогда, когда хочется. Тут учительница начала кричать, что мы невыносимы и что, если так будет продолжаться, никакого фотографирования не будет, а все сразу пойдут прямо в класс. Тогда фотограф сказал:

— Ну-ну, спокойно. Я знаю, как надо разговаривать с детьми, и всё пройдёт отлично.

Фотограф решил, что мы должны построиться в три ряда: первый ряд будет сидеть прямо на земле, второй — стоять вокруг учительницы, которая сядет на стул, а третий ряд встанет на ящики. В общем, у фотографа и правда были неплохие идеи.

За ящиками мы пошли в школьный подвал. Это было здорово, потому что там доволь-

но темно, а Руфюс надел на голову старый мешок и кричал:

— У-у-у! Я привидение!

Потом мы увидели учительницу. Нам показалось, что она чем-то недовольна, поэтому мы быстро взяли

ящики и вышли. Остался один Руфюс. Из-за того, что у него на голове был мешок, он не видел, что делается вокруг, и продолжал кричать:

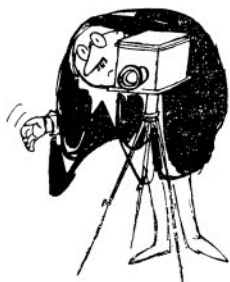
— У-у-у! Я привидение! — И, когда учительница сняла с него мешок, Руфюс ужасно удивился.

Когда мы вернулись во двор, учительница выпустила ухо Руфюса и шлёпнула себя по лбу ладошкой.

— Да вы же совершенно чумазые! — сказала она.

Это была правда, потому что, пока мы валяли дурака в подвале, мы там немного испачкались. Учительница была рассержена, но фотограф ей сказал, что это не страшно и что у нас есть время умыться, пока он будет устанавливать ящики и стул для фотографирования. Из всех нас совершенно чистым был один Аньян и ещё Жоффруа, потому что у него на голове был марсианский шлем, похожий на стеклянную банку.

— Вот видите, — сказал Жоффруа учительнице, — если бы они все были одеты, как я, не было бы никаких проблем.

Я видел, что учительнице очень хотелось надрать Жоффруа уши, но они были внутри банки, и ей не за что было ухватиться. Всё-таки классная вещь этот марсианский костюм!

Мы умылись, причесались и опять вернулись во двор. Правда, все были немножко мокрые, но фотограф сказал, что это тоже не страшно и что на фотографии это будет незаметно.

— Итак, — спросил фотограф, — хотите ли вы порадовать свою учительницу?

Мы ответили, что да, потому что мы очень любим нашу учительницу, она ужасно хорошая, когда мы не выводим её из себя.

— Тогда, — сказал фотограф, — вы сейчас спокойно встанете на свои места, как это требуется для фотографии. Самые большие встанут на ящики, средние — во второй ряд, а маленькие сядут впереди.

Мы начали занимать места, а фотограф принялся объяснять учительнице, что от детей можно добиться всего, чего угодно, если проявить терпение, но учительница не смогла

дослушать его до конца. Ей пришлось разнимать нас, потому что мы все хотели стоять на ящиках.

— Здесь есть только один человек по-настоящему большого роста. Это я! — кричал Эд

и толкал всех, кто тоже хотел влезть на ящики.

Самым настырным был Жоффруа, поэтому Эд врезал ему по банке и сам сильно ушибся. Потом нескольким ребятам пришлось поднапрячься, чтобы стянуть с Жоффруа его банку, потому что он в ней застрял.

Учительница сказала, что предупреждает нас в последний раз, а потом будет арифметика, и мы решили вести себя хорошо и начали строиться. Жоффруа подошёл к фотографу и спросил:

— Что это у вас за аппарат?

Фотограф улыбнулся и сказал:

— Это, малыш, такой ящичек, из которого сейчас вылетит птичка.

— Староват ваш драндулет, — сказал Жоффруа. — Мне папа подарил с солнцезащитным экраном, короткофокусным и длиннофокусным объективами, ну и со светофильтрами, разумеется...

Нам показалось, что фотограф удивился. Он перестал улыбаться и велел Жоффруа встать на место.

— Хотя бы фотоэлемент-то у вас есть? — спросил у него Жоффруа.

— В последний раз повторяю, иди на своё место! — закричал фотограф, который почему-то вдруг начал ужасно нервничать.

Наконец мы все заняли свои места. Лично я сидел на земле рядом с Альцестом. Альцест — это мой друг, он очень толстый и всё время ест. Он как раз откусывал от бутерброда с джемом, и фотограф велел ему прекратить жевать, но Альцест ответил, что ему необходимо нормально питаться.

— Немедленно убери этот бутерброд! — закричала учительница, которая сидела точно позади Альцеста. Тот от неожиданности уронил бутерброд себе на рубашку.

— Ну вот вам, пожалуйста, — буркнул Альцест и попытался собрать с себя джем хлебом.

Учительница сказала, что теперь единственный выход — поставить Альцеста в последний ряд, чтобы пятна на его рубашке не было видно.

— Эд, — велела учительница, — уступи место своему товарищу.

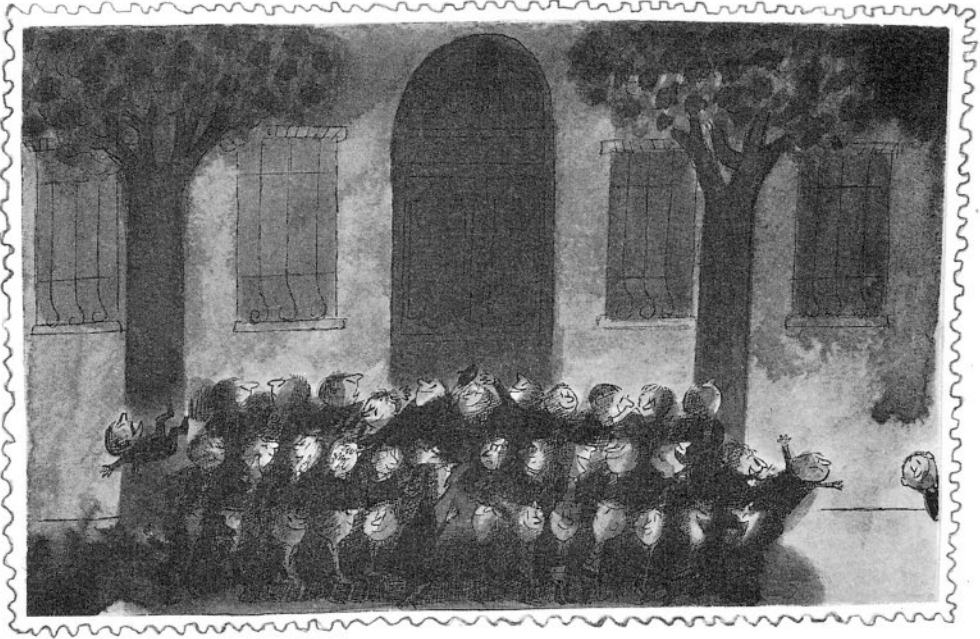
— Он мне не товарищ, — ответил Эд, — и моего места не получит. А если ему так хо-

чется, пусть повернётся спиной — ни пятна не будет видно, ни его жирной рожи.

Учительница рассердилась и назначила Эду наказание: проспрягать глагол в предложении «Я не должен отказываться уступить место товарищу, который уронил себе на рубашку бутерброд с джемом». Эд на это ничего не ответил; он нехотя слез с ящика и пошёл в первый ряд, а Альцест как раз двинулся к последнему ряду. И тут произошло вот что. Когда Эд поравнялся с Альцестом, то дал ему кулаком по носу. Альцест собирался лягнуть Эда ногой, но тот увернулся, потому что он у нас очень ловкий, и получилось, что Альцест лягнул Аньяна, но, к счастью, в такое место, где у него нет очков. Правда, Аньян всё равно заплакал и закричал, что ничего не видит, что его никто не любит и что он хочет умереть. Учительница начала его утешать, помогла ему высморкаться, потом заново причесала, а Альцеста наказала — велела ему сто раз переписать предложение: «Я не должен бить товарища, который не ищет со мной ссоры и носит очки».

— Вот и отлично, — сказал довольный Аньян.

Тогда учительница и ему задала что-то переписать, и Аньян так удивился, что даже не заплакал. Учительница стала раздавать наказания всем подряд, и нам теперь придётся

На фото:

Верхний ряд слева направо:

*Мартен (который пошевелился), Пуло, Дюбеда,
Куссиньон, Руфюс, Альдебер, Эд, Шампиньяк, Лефевр,
Туссен, Шарлье, Сарико.*

*Средний ряд: Поль Божожоф, Жак Божожоф, Марку,
Лафонтан, Лебрэн, Дюбо, Дельмон, де Фонтаньес,
Мартино, Жоффруа, Меспуле, Фало, Лафажон.*

*Сидят внизу: Риньон, Гюйо, Аннибал, Крутсеф,
Бержес, учительница, Аньян, Николая, Фариболь,
Грозини, Гонзалес, Пишне, Альцест и Мушвен
(которого недавно выгнали).*

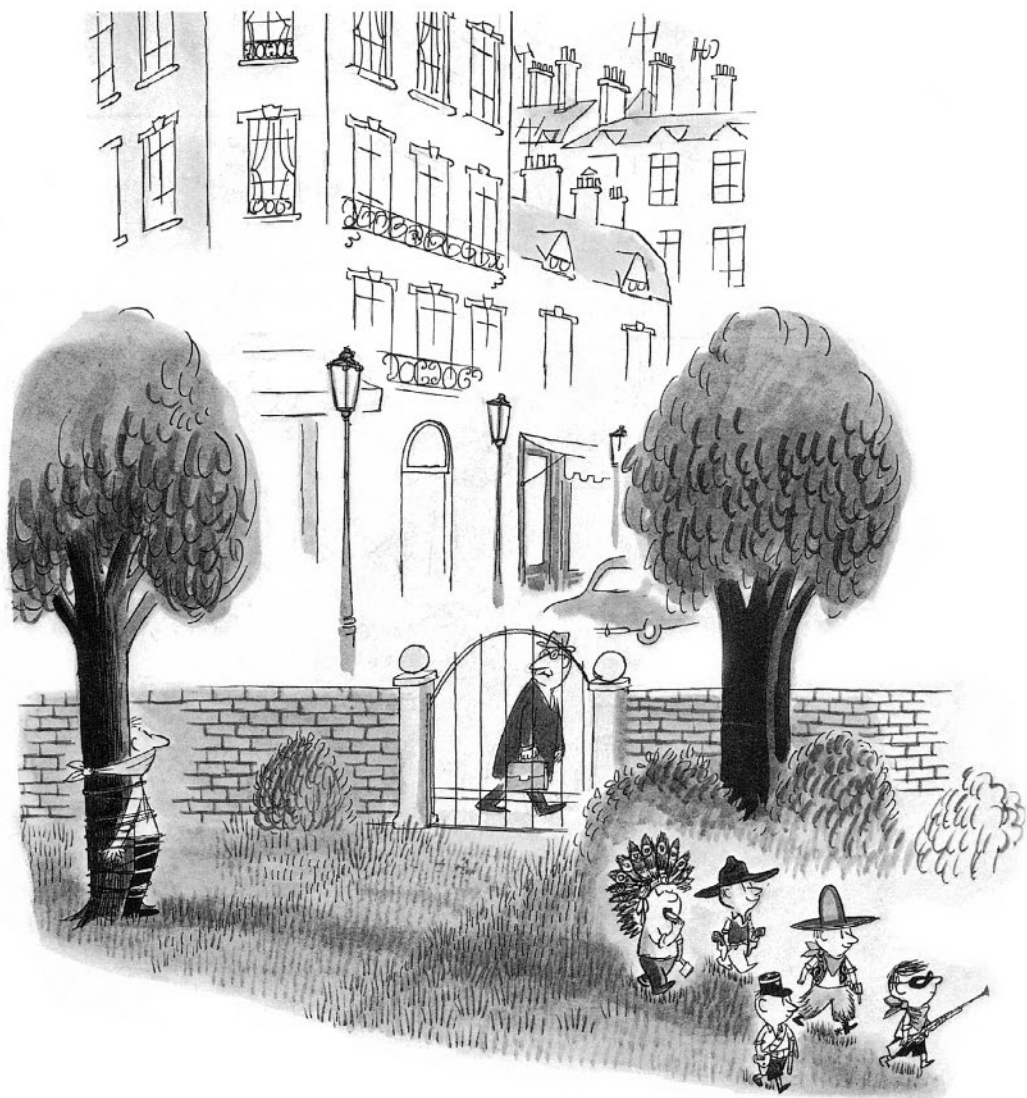
переписать кучу всяких предложений. В конце концов учительница сказала:

— Теперь вы наконец угомонитесь, и, если будете вести себя прилично, я все наказания отменю. Итак, все сейчас встанут на свои места как положено, красиво улыбнутся, и мсье сделает нам отличную фотографию!

Мы не хотели огорчать нашу учительницу, поэтому встали как положено.

Но с воспоминанием, которое мы будем лелеять всю жизнь, всё равно ничего не получится, потому что, когда всё было готово, мы увидели, что фотографа нет. Он, оказывается, уже ушёл и даже никого не предупредил.

Ковбои

Сегодня после обеда я пригласил своих друзей в гости, чтобы поиграть в ковбоев. Все пришли со своим снаряжением. У Руфюса было всё, что полагается иметь полицейскому, ему это подарил его папа: кепку, наручники, револьвер, белую палку регулировщика и свисток. На Эде была старая бойскаутская шляпа старшего брата, пояс с кучей деревянных патронов и две кобуры с обалденными револьверами, у них рукоятки сделаны из такой же кости, как та пудреница, которую папа купил маме после того, как они поссорились из-за жаркóго, потому что оно пережарилось, а мама сказала, что это потому, что папа опять задержался на работе.

Альцест переоделся в индейца, у него был деревянный томагавк и перья на голове, и он

был похож на толстого цыплёнка, а у Жоффруа, который обожает наряжаться, был настоящий костюм ковбоя — и штаны, и кожаный жилет, и рубашка в клетку, большая шляпа, пистолеты с пистонами и шпоры с потрясающими наконечниками.

У меня самого была чёрная маска, которую мне подарили на Масленицу, ружьё, которое стреляет стрелами, и красный платок на шее — бывшая мамина косынка. Короче, вид у всех был классный!

Мы собрались в саду, и мама сказала, что позовёт нас, когда приготовит полдник.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, так: я буду парнем на белом коне, а вы будете бандитами, и в конце я всех побеждаю.

Но все остальные со мной не согласились. Вот всегда так: когда играешь один, то скучно,

а когда не один, то другие всё время затевают какие-то ссоры.

— А почему бы, например, мне не быть этим самым парнем, — спросил Эд, — и почему бы и мне тоже не иметь белую лошадь?

— С такой рожей, как у тебя, нельзя быть таким парнем, — сказал Альцест.

— Ты, индеец, заткнись, не то получишь пинка по гузке! — закричал Эд; он очень сильный и очень любит бить всех кулаком по носу, но насчёт пинка по гузке, это было что-то новенькое, хотя Альцест и правда был здорово похож на толстого цыплёнка.

— Я, во всяком случае, — сказал Руфюс, — буду шерифом.

— Шерифом? — засмеялся Жоффруа. — Где это ты видел шерифа в кепке? Просто умора!

Руфюсу, у которого папа полицейский, это не понравилось.

— Мой папа, — сказал он, — носит кепку, и это никакая не умора!

— Если бы он так нарядился в Техасе, это была бы умора, — продолжал смеяться Жоффруа, и Руфюс дал ему оплеуху, а Жоффруа вынул револьвер из кобуры и закричал: — Ты покалечешь об этом, Джо!

И тогда Руфюс съездил ему ещё раз, а Жоффруа присел на землю и сделал «паф!» из своего револьвера. Руфюс прижал руки к животу и скорчил гримасу. Потом он упал и медленно произнёс:

— Ты убил меня, койот, но я буду отомщён!

Я скакал галопом по саду, подстёгивая себя сзади, как наездники подстёгивают лошадь, и тут ко мне подошёл Эд.

— Слезай с лошади! — велел он. — Это моя белая лошадь!

— Ну нет, мсье, — сказал я ему, — я здесь у себя дома, и белая лошадь — моя.

И тогда Эд стукнул меня кулаком по носу. В это время Руфюс громко засвистел в полицейский свисток.

— Ты — конокрад, — сказал он Эду, — а у нас в Канзас-Сити конокрадов отправляют на виселицу!

Тут вмешался Альцест:

— Минуточку! Ты не имеешь права его вешать, потому что шериф — я!

— Это с каких пор, курица несчастная? — спросил Руфюс.

Вообще-то Альцест не любит драться, но тут он взял свой деревянный томагавк и ручкой — бац! — стукнул по голове Руфюса, который этого совершенно не ожидал. К счастью, на Руфюсовой голове была кепка.

— Моя кепка! Ты помял мою кепку! — закричал Руфюс и побежал за Альцестом, а я снова поскакал по саду на своём коне.

— Эй, ребята, — сказал Эд, — кончайте это! Я кое-что придумал. Мы все будем нашими, а Альцест будет из племени индейцев. Он захочет нас захватить и возьмёт кого-нибудь в плен, а потом прискачем мы, освободим пленного и победим Альцеста!

Мы все были «за», действительно, отличная мысль, но Альцест не соглашался.

— Почему это я должен быть индейцем? — возмутился Альцест.

— Потому что у тебя перья на голове, дурак! — ответил Жоффруа. — И потом, если тебе

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста

Рене Госинни
Жан-Жак Сампе

ВСЁ О МАЛЫШЕ НИКОЛЯ

Рассказы

Ответственный редактор *Н. Н. Родионова*
Художественный редактор *О. В. Жукова*
Технический редактор *М. В. Гагарина*
Корректоры *Н. М. Соколова, Т. А. Чернышёва*
Вёрстка *О. В. Краюшкина*

Подписано в печать 21.11.2022.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,0.

Доп. тираж 5000 экз. D-NO-10593-11-R. Заказ № .

Дата изготовления 15.12.2022.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Машаоп
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».